

Покровский А. И. [Рец. на:] *Hogarth D. G. Authority and Archaeology sacred and profane*. 2-d ed. London. 1899 // Богословский вестник 1901. Т. 3. № 11. С. 582–593 (2-я пагин.).

БИБЛИОГРАФІА.

D. G. Hogarth „Authority and Archaeology sacred and profane“. Опыты объ отношеніи монументовъ къ библейской и классической литературѣ. Driver'a, E. Gardner'a Griffith'a, Haverfield'a, Headlam'a и Hogarth'a съ вводной главой издателя о сущности археологіи. Второе изданіе. London 1899. XV+440 р.

Названная нами книга принадлежитъ къ весьма популярной въ современной наукѣ литературѣ. Въ нашъ практическій вѣкъ точныхъ, положительныхъ знаній давно уже утратили свое прежнее обаяніе на умы всѣ, такъ называемыя, философскія, т.-е. чисто отвлеченныя и умозрительныя науки, мѣсто которыхъ заняли другія науки, съ конкретнымъ содержаніемъ и экспериментальнымъ методомъ. Требования возможно большей близости къ жизни и постоянной опытной провѣрки теоретическихъ данныхъ предъявляются въ настоящее время и къ самимъ философскимъ наукамъ, какъ напр. къ психологіи и даже — метафизикѣ. Нечего и говорить о томъ, насколько повышаются подобныя требованія въ отношеніи къ другимъ наукамъ, въ особенности, напримѣръ, относительно исторіи. Здѣсь вмѣсто прежняго спекулятивно-гегельянскаго взгляда на исторію, какъ на схематическій процессъ развитія абсолютнаго, все болѣе и болѣе утверждается новый, требующій отъ исторической науки точнаго воспроизведенія фактическаго прошлаго и его строго-объективнаго освѣщенія. Слѣдовательно, чѣмъ больше въ томъ или другомъ историческомъ изслѣдованіи

критически провѣреннаго фактическаго матеріала, чѣмъ богаче и разнообразнѣе подборъ этихъ фактовъ и наблюденій, чѣмъ объективнѣе и строже ихъ оцѣнка, тѣмъ выше и научнѣе, тѣмъ плодотворнѣй и цѣннѣй и это самое изслѣдованіе. Отсюда со всею очевидностью открывается особенная важность той науки, которая спеціальною своею задачею имѣетъ собраніе, именно, этого фактическаго матеріала; мы разумѣемъ здѣсь археологію, взятую въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ науку о всѣхъ вещественныхъ памятникахъ, оставшихся отъ прошлой исторіи человѣчества. Понимаемая въ этомъ смыслѣ, археологія является исходнымъ пунктомъ и основнымъ базисомъ исторіи: ея роль въ исторической наукѣ можетъ быть сравнена съ значеніемъ прочнаго фундамента для солидной постройки. Въ этомъ-то, именно, и лежитъ причина того притягательнаго вліянія, какое имѣетъ современная археологія; и чѣмъ древнѣе добытыя ею данныя, тѣмъ они интереснѣй и важнѣй; отсюда, наиболѣе популярными отраслями археологіи являются, какъ извѣстно, до-историческая археологія и палеонтологія. Но, громадная отдаленность тѣхъ эпохъ, которыми онѣ занимаются и крайняя скудость добытаго ими вещественнаго матеріала значительно ослабляютъ ихъ научное значеніе, и даютъ просторъ различнымъ фантастическимъ гипотезамъ, еще болѣе подрывающимъ ихъ кредитъ. Неизмѣримо выше этого стоитъ, такъ называемая, историческая археологія, располагающая богатымъ фактическимъ матеріаломъ, не оставляющимъ мѣста для гадательныхъ предположеній, въ виду чего произведенія этой науки имѣютъ несравнимо высшую, не только научно-теоретическую, но и жизненно-практическую цѣнность.

— Къ произведеніямъ послѣдняго рода принадлежитъ и вышеназванное нами изданіе Hogarth'a. Предварительное представленіе объ общемъ характерѣ и содержаніи даннаго труда можно получить уже изъ самаго его заглавія, а еще больше изъ введенія къ нему, гдѣ издатель его на первой же страницѣ заявляетъ, что „настоящіе опыты имѣютъ своей цѣлью предложить результаты археологическихъ изслѣдованій минувшаго вѣка въ такомъ видѣ, который дѣлалъ-бы ихъ доступными пониманію людей и неполучившихъ спеціального археологическаго образова-

нія“. Авторъ не только знакомитъ насъ съ важнѣйшими археологическими изслѣдованіями и открытіями минувшаго вѣка, но и показываетъ также ихъ отношеніе къ общепризнаннымъ авторитетамъ древности, т. е. къ библейской и классической литературѣ, въ точкахъ общаго ихъ соприкосновенія, что, разумѣется, еще больше увеличиваетъ интересъ и повышаетъ значеніе даннаго труда.

Самое изданіе представляетъ изъ себя коллективный трудъ нѣсколькихъ ученыхъ, — специалистовъ въ избранныхъ ими областяхъ,—что, въ свою очередь, служитъ достаточной гарантіей за научность данныхъ ими изслѣдованій. А то обстоятельство, что въ Англіи — странѣ ученыхъ ориенталистовъ—этотъ трудъ вышелъ уже вторымъ изданіемъ, является очевиднымъ доказательствомъ того, что онъ достигаетъ своей цѣли. Все это, въ связи съ крайней скудостью у насъ подобной, весьма интересной поучительной и важной литературы, побуждаетъ насъ поближе познакомиться съ вышеназваннымъ изданіемъ и результаты своего знакомства предложить просвѣщенному вниманію читателей.

Во введеніи къ своему труду издатель его, установивъ предварительно наиболѣе точное, по его мнѣнію, опредѣленіе *археологii* (какъ науки объ использованіи вещественныхъ остатковъ прошлой исторіи человѣчества), дѣлаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о старыхъ и новыхъ приѣмахъ и методахъ изслѣдванія археологическихъ памятниковъ.

Что касается самого труда, то онъ распадается на три главныхъ, болѣе или менѣе, равныхъ части, изъ которыхъ первая заглавляется—„Еврейскій авторитетъ“, вторая—„Классическій авторитетъ“ и третья—„Христіанскій авторитетъ“, соотвѣтственно содержанію каждой изъ нихъ.

Первая часть книги, носящая общее заглавіе—„*Еврейскій (библейскій) авторитетъ*“—состоитъ, въ свою очередь, изъ трехъ отдѣловъ. Начальный, вводный отдѣлъ этой части представляетъ собой краткій историческій очеркъ постепеннаго прогресса ориентологii въ теченіе XIX-го столѣтія. Здѣсь, назвавъ, прежде всего, двухтомный классическій трудъ Лейярда „Неневія и ея остатки“, начавшій собой новую эру въ ориентологii, нашъ авторъ съ признательностью отмѣчаетъ труды и имена и другихъ главнѣйшихъ дѣятелей, работавшихъ надъ раскопками въ области сѣвернаго Египта,

Ассиро-Вавилоніи, Финикіи и Палестины, какъ-то: Гротенфенда, Шамполіона, Шлимана, Ньютона, Марьетта, Ролинсона, Де-Вогюэ, Галеви, Эйтинга, Петри и др. Въ качествѣ общаго результата дружной работы этихъ ученыхъ, авторъ устанавливаетъ тотъ выводъ, что теперь Израиль пересталъ считаться какимъ-то совершенно изолированнымъ и непонятнымъ явленіемъ въ древнемъ мірѣ, а началъ трактоваться какъ живой членъ великой семьи семитическихъ народовъ, имѣвшій въ своемъ бытѣ, культурѣ, языкѣ, правленіи и даже религіи не мало общаго со всѣми ними. Такая аналогія Еврейской исторіи съ исторіей другихъ семитическихъ народностей нисколько, однако, не уничтожаетъ ея особаго, отличительнаго характера, выражающагося въ возвышенности ея монотеистическихъ принциповъ и въ господствѣ теократической идеи. Не уничтожая, такимъ образомъ, специфическаго колорита Еврейской исторіи, вышеуказанная аналогія ея съ общесемитической, помогаетъ лишь болѣе полному и ясному представленію первой, проливая существенный свѣтъ на различные библейскіе сюжеты, служа иллюстраціей и являясь подтвержденіемъ ихъ.

Второй отдѣлъ первой части разсматриваемой нами книги озаглавленъ однимъ словомъ „Пятокнижіе“. Здѣсь, въ порядкѣ библейскихъ повѣствованій, кратко отмѣчаются главнѣйшіе моменты, сначала—Первоисторіи, а затѣмъ—исторіи Еврейскихъ патріарховъ и происшедшаго отъ нихъ народа, кончая исходомъ Евреевъ изъ Египта. Каждый изъ затронутыхъ здѣсь библейскихъ отдѣловъ иллюстрируется соответствующими параллелями изъ памятниковъ древней, преимущественно, клинообразной литературы. Наглядное представленіе о степени важности и интереса даннаго отдѣла даетъ уже одинъ перечень его сюжетовъ, куда входятъ слѣдующіе рассказы: повѣствованіе о твореніи міра по халдейскому генезису и вавилонской космогоніи, описаніе древнехалдейской субботы, преданіе о раѣ и херувимѣ, подробная и весьма близкая къ библейской повѣсть о потопѣ, таблица народовъ, исторія Нимрода, вавилонская башня, земля Уръ и Харранъ, слѣды царей—современниковъ Авраама: Амрафела, Аріюха, Хедорлаомера и Тидала, исторія Іосифа по Египетскимъ источникамъ, земля Гесемъ, надписи изъ эпохи фараона Меренпты — современника исхода Евреевъ изъ

Египта,—самый путь Евреевъ оттуда въ Палестину и общій очеркъ ея, какой она была за XV-ть вѣковъ до нашей эры по таблицамъ Тель-ель-Амарны, новѣйшимъ раскопкамъ въ Лахисѣ и древне-финикійскимъ надписямъ.

Послѣдній, третій отдѣлъ той-же части, озаглавленный „Цари и послѣдующая исторія“, представляетъ собой прямое продолженіе предыдущаго. Въ немъ точно также отмѣчаются главнѣйшіе отдѣлы Еврейской исторіи, указанные въ кн. Царствъ, Паралипоменонъ и писаніяхъ Пророковъ и приводятся соотвѣтственныя параллели изъ памятниковъ древней, преимущественно, ассиро-вавилонской клинообразной литературы.

Въ составъ этого отдѣла входятъ, между прочимъ, слѣдующія повѣствованія: рассказъ о Савской царицѣ, посѣщавшей Соломона, очеркъ о Хеттеяхъ, нашествіе на Іудею египетскаго фараона—Шишака,—изслѣдованіе и переводъ надписи моавитскаго царя—Меши, ассирійскія данныя о Салманасарѣ II и израильскомъ царѣ Ахавѣ, тождество библейскаго царя Пула или Фула съ Огглафелассоромъ ассиро-вавилонскихъ надписей, нашествіе его на землю Израиля, паденіе Самаріи, экспедиція Саргона, вторженіе въ Іудею Сеннахерима, исторія Меродахъ-Валадана, походы Эссаргаддона и Ассурбанипала, плѣнъ іудейскаго царя Манасіи, завоеванія Навуходносора, хронологія царей по даннымъ Библии и ассирійскихъ надписей, паденіе Вавилона при Кирѣ, набатейскія надписи, и заключительная глава о значеніи всѣхъ этихъ монументальныхъ данныхъ для объясненія именъ, названій и географическихъ терминовъ Библии, а также и вообще—для болѣе полного и яснаго воспроизведенія древне-Еврейской исторіи.

Мы не имѣемъ надобности распространяться о глубокой важности и высокомъ интересѣ первой части даннаго изслѣдованія, такъ какъ сдѣланный нами перечень содержанія ея отдѣловъ, надѣемся, достаточно свидѣтельствуетъ объ этомъ самъ. Намъ остается добавить развѣ только то, что всѣ собственныя разсужденія автора проникнуты духомъ строгой объективности. Сопоставляя данныя египетскихъ и ассиро-вавилонскихъ памятниковъ со свидѣтельствами Библии и находя, въ большинствѣ случаевъ, ихъ удивительное совпаденіе, равно какъ встрѣчая иногда и нѣкоторыя не-

согласія, онъ безпристрастно отмѣчаетъ то и дррое, не дѣлая отсюда никакихъ, ни апологетическихъ, ни критическихъ выводовъ. Даже болѣе того, онъ неоднократно предостерегаетъ отъ увлеченія данными археологій какъ въ критическихъ, такъ и въ апологетическихъ дѣляхъ; но здѣсь, намъ кажется, авторъ излишне остороженъ и боязливъ: во всякомъ случаѣ собранный и критически освѣщенный имъ матеріалъ и безъ особенныхъ его истолкованій является прекраснымъ апологетическимъ средствомъ въ борьбѣ съ врагами Библіи.

Вторая часть разсматриваемаго изданія, носящая общее заглавіе: „*Классическій авторитетъ*“ состоитъ изъ четырехъ отдѣльныхъ очерковъ. Она начинается статьей Griffith'a—„Египетъ и Ассирія“, авторъ которой, извлекая изъ открытыхъ тамъ памятниковъ все, наиболѣе существенное для исторіи данныхъ странъ, сравниваетъ этотъ новый матеріалъ съ тѣмъ, что было извѣстно о нихъ раньше изъ письменныхъ источниковъ, преимущественно изъ сочиненій Геродота, Манефона, Иосифа Флавія и др. Это сравненіе оказалось далеко не въ пользу классическихъ авторовъ, сочиненія которыхъ требуютъ многочисленныхъ и серьезныхъ какъ дополненій, такъ и поправокъ, вносимыхъ сюда на основаніи новооткрытаго матеріала.

Слѣдующій за симъ отдѣлъ второй части книги носить заглавіе: „до-историческая Греція“ и принадлежитъ самому издателю Hogarth'у—директору британской школы въ Аѣинахъ. Въ немъ онъ даетъ краткій очеркъ важнѣйшихъ пеласгическихъ раскопокъ и указываетъ на важное значеніе микенской цивилизаціи и культуры, какъ преддверія классической. Въ заключеніе своего очерка авторъ говоритъ о вліяніи эгейской цивилизаціи на Сѣверную Европу и даже приблизительно намѣчаетъ самый путь этого вліянія (Молдавія, Иллирія, Венеція, Швейцарія, долина Эльбы, Данія, Швеція и, наконецъ, Ирландія).

Третій и четвертый отдѣлы второй части, озаглавленные: „Историческая Греція“ и „Римскій міръ“, даютъ общій очеркъ важнѣйшихъ раскопокъ и открытій изъ эпохи классическаго міра, проливающій много новаго свѣта на различныя историческія событія и еще больше—на разныя стороны народнаго быта. Въ частности, въ первой изъ этихъ статей осо-

бненное вниманіе обращается на раскопки Афинскаго акрополя, рассказывающія намъ всю его исторію: „съ помощью этихъ раскопокъ—говоритъ Gardner—можно прослѣдить всё стадіи, пройдя черезъ которыя Акрополь изъ простой крѣпости первобытнаго населенія Греціи превратился въ знаменитый центръ религіи и искусства“ (258 р.). Совершенно въ этомъ-же родѣ и очеркъ „Римскаго міра“. Онъ, между прочимъ, на основаніи данныхъ археологіи вноситъ серьезную поправку въ наше традиціонное представленіе о римской цивилизаціи, какъ прямомъ сколкѣ съ греческой. Въ противоположность этому, авторъ защищаетъ относительную самостоятельность итальянской цивилизаціи; а если и признаетъ на нее какое-либо постороннее влияніе, то не столько греческое, сколько туземное-же—этрусской цивилизаціи, корни которой должно искать тамъ-же, гдѣ скрывается и происхожденіе греческой культуры.

Послѣдняя часть книги Hogarth'a подъ общимъ заглавіемъ „Христіанскій авторитетъ“ содержитъ въ себѣ три слѣдующихъ отдѣла: „первенствующая церковь“, „остатки во Фригіи“ и „катакомбы въ Римѣ“. Эта часть по общему своему характеру, по степени ея важности и апологетическаго интереса сильно напоминаетъ собой первую, съ тѣмъ только различіемъ, что та имѣетъ дѣло съ ветхозавѣтной, а эта съ новозавѣтной исторіей.

Въ частности здѣсь, въ самомъ-же началѣ перваго отдѣла, авторъ его устанавливаетъ тотъ тезисъ, что отъ первыхъ базиликъ временъ Константина идеи и дѣла христіанскія всегда были запечатлѣваемы въ прочную форму архитектуры и живописи. Отсюда, слѣдовательно, и наоборотъ: архитектурные и иные остатки первохристіанской древности даютъ намъ возможность судить о воззрѣніяхъ и бытѣ того времени. Эти памятники первенствующей Церкви имѣютъ не только иллюстративное, но и критическое значеніе, исправляя различныя заблужденія и ошибки, нашедшія себѣ мѣсто даже въ сочиненіяхъ авторитетныхъ писателей древности. Авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ этого рода, изъ которыхъ особенно любопытны два: одинъ, взятый изъ произведенія Іустина Мученика, другой—изъ сочиненія Евсевія Кесарійскаго,

На основаніи свидѣтельства Іустина, повтореннаго Евсе-

віемъ, долгое время существовала легенда, что извѣстный изъ кн. Дѣяній апостольскихъ — Симоуъ волхвъ былъ въ Римѣ и совершилъ здѣсь при помощи магін многія чудеса, за что онъ былъ признанъ богомъ, которому на одномъ изъ острововъ рѣки Тибра была даже воздвигнута особая статуя съ надписью *Simoni Deo Sancto*. Но вотъ въ 1574 году статуя эта была найдена и прочтена сохранившаяся на ней надпись, которая буквально читается такъ: *Semoni Sancto deo fidio*. Отсюда стало очевидно, что статуя эта посвящена не Симону волхву, а Семону Санку—древне-сабинскому божеству. Такимъ образомъ, благодаря археологической находкѣ раскрыто одно изъ очень древнихъ заблужденій.

Другой примѣръ этого же рода представляетъ намъ свидѣтельство извѣстнаго церковнаго историка—Евсевія о томъ, что Евангельская кровоточивая происходила изъ Кесаріи Филипповой, что здѣсь показывали ея домъ и даже особую статую, запечатлѣвшую это событіе. Дѣйствительно, при раскопкахъ даннаго мѣста была найдена разбитая статуя колѣнопреклоненной женщины съ молитвенно скрещенными руками; а на противоположной сторонѣ была открыта фигура человѣка, простирающаго руку къ женщинѣ. И Евсевій, быть можетъ, даже самъ видѣвшій эту статую, принялъ ее за изображеніе Иисуса, тѣмъ болѣе, что подъ ней имѣлась надпись „Спаситель“. Между тѣмъ какъ теперь на основаніи другихъ, подобныхъ же статуй установлено, что эпитетъ „Спасителя“ *Salvator* прилагался и къ императору, какъ сыну бога, милующаго своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ, простая аллегорическая группа, относящаяся къ личности римскаго императора, была ошибочно принята за иллюстрацію Евангельскаго событія, благодаря ихъ чисто внѣшнему сходству.

Но особенно цѣнны данныя археологін для толкованія Новаго Завѣта со стороны его хронологіи, топографіи, современнаго ему гражданскаго устройства и общественнаго быта.

Возьмемъ для примѣра приведенный авторомъ весьма темный и спорный вопросъ о датѣ Рождества Христова. По свидѣтельству Евангельскаго историка, событіе это имѣло мѣсто „во дни Прода царя“ (Мѡ. II, 1 ст.), въ царствованіе римскаго императора Августа, когда производилась первая перепись въ управленіе Квиринія Сиріей (Лук. II, 1—4 ст.). Историческая критика усматриваетъ въ этихъ хронологиче-

скихъ указаніяхъ цѣлый рядъ неправильностей и ошибокъ. Императоръ Августъ, прежде всего, никогда, говорятъ, не издавалъ никакого декрета о всеобщей переписи населенія. Далѣе, если бы даже и былъ изданъ подобный эдиктъ, то онъ не распространялся-бы на области Ирода царствованія. Наконецъ, перепись эта не могла быть современна Квиринію, такъ какъ впервые проконсуломъ Сиріи онъ былъ поставленъ лишь послѣ смерти Ирода. Возраженія, повидному, весьма сильныя и даже не устранимы.

Но вотъ является на помощь археологія и добрую половину ихъ устраняетъ. Цѣлымъ рядомъ ученыхъ археологовъ, работавшихъ независимо другъ отъ друга (Mr. Kenyon, Dr. Wilcken, Dr. Vierek, Prof. Ramsay), въ настоящее время твердо установленъ тотъ фактъ, что въ Египтѣ существовала всеобщая перепись населенія, періодически повторявшаяся черезъ каждыя четырнадцать лѣтъ. Рамзеи, на основаніи многихъ данныхъ, начало этого обычая относятъ ко времени императора Августа, перваго организатора своей обширной монархіи. Отсюда онъ заключаетъ дальше, что перепись въ Египтѣ не была единичнымъ и исключительнымъ явленіемъ, но частью общегосударственной переписи; цѣлымъ рядомъ аргументовъ, заимствованныхъ, главнымъ образомъ, изъ надписей, онъ доказываетъ, что существовала подобная перепись и въ Сиріи. Онъ приводитъ, далѣе, доказательства того, что первая перепись въ Сиріи была произведена въ 9-омъ г. до Р. X. и что въ Палестинѣ она была закончена уже при Иродѣ, осенью 6-го года до Р. X. Наконецъ, относительно Квиринія тотъ же ученый замѣчаетъ, что, въ надписяхъ *первымъ правленіемъ* Квиринія Сиріей называется его *спеціально-военное начальствованіе* надъ ней, бывшее прежде его официальнаго проконсульства и падавшее, именно, на царствованіе въ Палестинѣ Ирода. Такимъ образомъ, всѣ возраженія раціоналистической критики теряютъ свою силу и авторитетъ Евангелія прекрасно подтверждается археологіей.

Во второмъ отдѣлѣ послѣдней части изслѣдуемой нами книги говорится о вещественныхъ остаткахъ восточнаго христіанства, центромъ котораго въ древности была Фригія. По количеству сдѣланныхъ здѣсь находокъ этотъ округъ занимаетъ первое, послѣ Рима, мѣсто въ древне-христіанской

археологiи. Исслѣдованiя данной области начались сравнительно очень недавно, приблизительно съ 80-ыхъ годовъ прошлаго столѣтiя. Первыми пионерами археологiи явились здѣсь Hamilton, Waddington и W. M. Ramsay, а результаты ихъ раскопокъ опубликованы въ *Journal of Hellenic Studies* и въ *Bulletin de Correspondence Hellénique*. Въ 90-хъ годахъ пр. Ramsay обнаруживалъ цѣлый рядъ новооткрытыхъ надписей въ журналѣ *Expositor*, и впоследствии онъ собралъ ихъ вмѣстѣ и издалъ во второмъ томѣ подъ заглавiемъ *Cities and Bishoprics of Phrygia*. Изъ этихъ находокъ нашъ авторъ, больше всего удѣляетъ вниманiя, такъ называемой, надписи Авирка Иеропольскаго. Въ собранiи жизнеописанiй святыхъ, написанномъ извѣстнымъ византийскимъ агиографомъ—Симеономъ Метафрастомъ, есть разсказъ и объ Авиркѣ, еп. Иерополя Фригiйскаго. Свѣдѣнiя о немъ были заимствованы изъ стихотворной эпитафiи, высѣченной на одномъ камнѣ, который авторъ видѣлъ собственными глазами вблизи города Иерополя, причемъ самая надпись была уже пострадавшей отъ времени. Подлинность этого свидѣтельства, въ виду неопредѣленнаго характера приведеннаго Метафрастомъ фрагмента этой надписи, была сильно заподозрѣваема. Но вотъ въ 1883 году пр. Рамзею посчастливилось открыть на указанномъ мѣстѣ цѣлыхъ два фрагмента надписи Авирка, въ которыхъ повторяются раньше извѣстныя свѣдѣнiя и добавляются нѣкоторыя новыя, послѣ чего дѣйствительное существованiе подлинной эпитафiи Авирка Иеропольскаго стало внѣ сомнѣнiй.

Вслѣдъ за многими учеными (Zahn, Duchesne, De-Rossi, Lightfoot, Ramsay), нашъ авторъ приписываетъ ее, именно Авирку Иеропольскому, вождю противомонтанской партiи во Фригiи и относитъ къ концу втораго вѣка по Р. X. Къ этому его приводитъ, главнымъ образомъ, анализъ текста эпитафiи и сравненiе его съ другими подобными-же произведенiями древне-христіанской литературы. Все содержанiе надписи проникнуто духомъ христіанскаго символизма, такъ хорошо извѣстнаго намъ и по письменнымъ памятникамъ и по изображенiямъ и надписямъ катакомбъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ такiе знакомые намъ символы, образы и понятiя, какъ: пастыря, овцы, рыбы, печати, чистой дѣвы, хлѣба и смѣшанной Чаши (Евхаристiя), молитвы за умершихъ и т. п. Какъ

видно изъ содержанія самой надписи, Авиркъ, подобно Мелитону Сардійскому, Гезиппу и Клименту Александрийскому, былъ однимъ изъ тѣхъ путешественниковъ, которые ради христіанскаго подвига и наученія, посѣщали главные центры современнаго имъ христіанства, повсюду находя одно и то же ученіе, тѣ же обычаи и обряды. Не давая намъ чего-либо новаго, надпись Авирка, еще разъ документально утверждаетъ въ старомъ, доказывая единство и цѣльность христіанской вѣры и сравнительное однообразіе религіозной практики уже и во второмъ вѣкѣ нашей эры.

Весьма любопытны также приводимыя авторомъ, такъ называемыя „Евменейскія надписи“, представляющія собой цѣлый рядъ надгробныхъ эпитафій. Здѣсь, между прочимъ, мы впервые на Востокѣ встрѣчаемся съ хорошо извѣстной по римскимъ катакомбамъ, монограммой имени Иисуса Христа въ послѣдствіи принявшей другую, болѣе сложную форму ¹⁾. Надписи эти датированы третьимъ вѣкомъ.

Интересны также надписи, найденныя въ г. Іераполѣ—не въ томъ, откуда происходилъ вышеупомянутый еп. Авиркъ, а въ томъ, который упоминается въ посланіи къ Колоссянамъ и который находился по сосѣдству съ Лаодикіей. Онѣ свидѣтельствуютъ о существованіи среди христіанъ извѣстныхъ организованныхъ обществъ, преимущественно, погребальныхъ (*Porphyrabarhoi*) и благотворительныхъ, вообще (*Thremmata* и *Kairodapistoi*), въ пользу которыхъ завѣщались извѣстныя денежныя суммы.

Надписи, открытыя въ Акмоніи, свидѣтельствуютъ о томъ, что и на Востокѣ существовали, такъ называемыя, *Rosalia*, т. е. дни, посвященные памяти умершихъ, въ особенности, мучениковъ.

Надписи, найденныя на мѣстѣ современнаго города Ушака, въ центральной Фригіи, имѣютъ особенную важность потому, что здѣсь впервые христіане называются своимъ собственнымъ именемъ „христіанъ“; одна изъ этихъ надписей датирована 279 г.

---

¹⁾ Древнѣйшая форма этой монограммы представляетъ изъ себя такое сочетаніе буквъ I и X, которое сильно напоминаетъ собой букву Ж; другая же, позднѣйшая форма имѣетъ лишь то отличіе, что въ ней средняя вертикальная черта замѣняется буквой P.

Наконецъ, нѣкоторыя изъ акмонійскихъ же надписей, относящіяся къ началу IV-го вѣка говорятъ намъ о сильной и ожесточенной борьбѣ христіанства съ язычествомъ и о постепенномъ упадкѣ послѣдняго.

Въ заключеніе даннаго очерка, авторъ его дѣлаетъ прекрасную характеристику христіанства въ этой отдаленной и наполовину эллинизированной части римской имперіи, гдѣ подъ вліяніемъ этнографическихъ и историческихъ условий и само христіанство принимало особый колоритъ, непосредственнымъ порожденіемъ чего былъ, между прочимъ, монтеизмъ.

Послѣдній, заключительный отдѣлъ разсматриваемой книги посвященъ археологін римскимъ катакомбъ, въ которыхъ авторъ справедливо усматриваетъ специфической продуктъ римскаго первохристіанства, говоря что „отвлеченныя представленія христіанства онѣ переводятъ на конкретный языкъ народной жизни.“ Такъ какъ вопросъ о катакомбахъ сравнительно уже достаточно разработанъ въ наукѣ, то автору оставалось только собрать и объединить важнѣйшіе результаты научныхъ изысканій, что онъ и дѣлаетъ вполнѣ толково и умѣло, воспроизводя какъ начальную исторію самаго христіанства въ Римѣ, такъ и картины древне-христіанской символики, религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ. Онъ, напри- мѣръ, твердо устанавливаетъ фактъ существованія въ глубокой древности таинствъ крещенія и Евхаристіи, а также— вѣрованія въ будущую жизнь, молитвъ за умершихъ, призванія святыхъ и т. п.

Таково, въ общихъ чертахъ, основное содержаніе разсмотрѣнной нами книги. Научная новизна, интересъ и важность предмета, которому она посвящена, значеніе ея, какъ сборника всего важнѣйшаго, что сдѣлалъ въ этомъ отношеніи минувшій вѣкъ и что завѣщалъ онъ наступившему, наконецъ, живость и популярность изложенія, нисколько не вредящая научности содержанія—таковы главнѣйшія достоинства даннаго труда, побуждающія насъ рекомендовать его вниманію образованныхъ читателей и даже пожелать его перевода на русскій языкъ.

А. Покровский.